

ГЕРОЙ ПОНЕВОЛЕ

НИКОЛАЙ БИРЮЗЛИН

Николай Бирюздин

Герой поневоле

<https://litres.ru/74666784>

SelfPub; 2026

Аннотация

Шёл, поскользнулся, очнулся — в чужом теле. Классика жанра, скажете вы. Есть нюанс: в этом теле уже кто-то есть. И это не бывший хозяин.

В прошлой жизни я был менеджером из Бирюлёво — из тех, у кого бывшая при разводе забирает даже кота. Здесь я — наследник угасающего дворянского рода, в котором никто не способен колдовать. Все вокруг маги. А у меня — родовое проклятие вместо дара, древний маг в голове со своими планами, дядя, который видит меня в гробу, и демон, которому нужна моя кровь.

Чтобы просто выжить, придётся стать героем.

Героем поневоле.

Содержание

Глава 1. Неудачник из Бирюлёво	4
Глава 2. Пещера сознания	18
Глава 3. Обряд и возвращение	31
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Николай Бирюздин

Герой поневоле

Глава 1. Неудачник из Бирюлёво

— Игорь, ты почему трубку не берёшь? Я вчера три раза звонила.

Мама звонила из Саратова по субботам и по особым случаям. Сегодня была среда.

— Спал, мам. Телефон на беззвучном.

— В десять вечера он спал. Тётя Валя мне всё рассказала. От тебя Люда ушла, а я узнаю от тёти Вали. Через месяц!

Я прижал телефон плечом к уху и полез в шкафчик за кофе. Банка стояла на донышке: кофемашину Людка увезла ещё в июле, а растворимый мы держали «на чёрный день». Чёрный день, судя по остатку, шёл третью неделю.

— Ушла, мам. Что тут рассказывать.

— Тридцать два года, Игорь! У Наташи Ковалёвой сын на четыре года младше, у него уже двое детей и ипотека в Кузьминках. А ты сидишь в своём Бирюлёве. Что ты ей сделал?

— Ничего.

— Вот именно! — обрадовалась мама, будто я наконец признался. — Ничего ты не делаешь. Ни-че-го.

Спорить было не с чем. Людка при расставании выра-

зилась почти теми же словами, только без радости: «С тобой ничего не происходит, Савельев. Вообще ничего. Ты как твой шкаф — стоишь и стоишь». Чемодан она собрала за один вечер. Кота Барсика увезла на следующий день, в переноске, которую я же ей и подарил на позапрошлый Новый год.

Кота было жалко не для красного словца, а по-настоящему: миска с нарисованной рыбой до сих пор стояла у холодильника, и я третью неделю обходил её, вместо того чтобы убрать. На подоконнике в горшке с геранью осталась проплешина — Барсик жрал герань, и ничего ему не делалось. Герань теперь отрастала. Предательница.

— Приезжай домой, — сменила курс мама. — Хоть на выходные. Я пирог поставлю, с капустой.

— Приеду. В сентябре, после сдачи. У нас сейчас опытная партия горит.

— У тебя всегда что-нибудь горит. И куртку тёплую себе купи наконец, у вас там осень скоро.

— Мам, на дворе август.

— Август кончается, Игорь, — сказала мама со значением, которого я тогда не оценил, и повесила трубку первой, на полуслове. Она так делала всю жизнь — сэкономила ещё с тех времён, когда межгород считали поминутно.

Я допил кофе над раковиной, глядя в окно на гаражи. За гаражами тянулась ветка на Павелецкий, и по ней как раз протаскивалась электричка — семь сорок одна, царицын-

ская. По ней можно было сверять часы, чего никто в Бирюлёве, разумеется, не делал.

Квартиру — однушку в панельке на Медынской — я снимал шестой год у Розы Наумовны, которая раз в два года поднимала цену и при этом извинялась дольше, чем я возражал. Людка называла район «твоеё Бирюлёво», даже когда жила здесь сама. Теперь оно и правда было только моё.

Рубашка со вчера висела на спинке стула и сходила за глаженую, если не приглядываться. Я не приглядывался.

Миску я опять не убрал.

До работы я добирался час десять: автобус, метро с пересадкой, потом дворами до бизнес-центра «Калибр-2», где наша контора снимала пол-этажа. На перегоне после «Павелецкой» в вагон вошёл парень с клетчатой сумкой и объявил фонарики со встроенной зарядкой, по триста рублей. Я машинально прикинул: закупка на «Али» — долларов полтора за штуку, и при его проходимости маржа выходила такая, какой «Спектр-Прибор» не видел ни в одном годовом отчёте. Фонарик, впрочем, не купил никто. Сочувствую, коллега. Рынок нынче тяжёлый. На «Автозаводской» парень свернул торговлю и перешёл в соседний вагон — та же интонация донеслась сквозь закрывающиеся двери.

«Спектр-Прибор» — это мы: разработка и мелкосерийное производство промышленных расходомеров. Шестьдесят два человека, если считать с уборщицей тётей Розой, и

полторы тысячи заказчиков по стране, если считать по базе, а не по тем, кто реально платит.

На проходной охранник Семёныч разгадывал сканворд.

— Столица Австралии, шесть букв, — сказал он вместо здравствуйте.

— Канберра. Восемь.

— Не лезет.

— Значит, у составителя Сидней. Он тоже не столица, но кто ж ему скажет.

Семёныч вписал Сидней, и буквы легли. С этого у нас начиналось каждое утро.

В отделе уже сидел Паша Ерохин, ведущий инженер, и по его затылку было видно, что партия горит сильнее обычного. На моём столе лежала распечатка — спецификация на шестьдесят плат, тридцать четыре страницы, и жёлтый стикер сверху: «Игорь, разместить ДО ОБЕДА. Аркадьич».

Аркадьич — это директор, Виктор Аркадьевич. Слова «до обеда» он писал капслоком последние лет пять. Капслок давно означал «до конца недели», но проверять это на прочность никто не рисковал.

В девять тридцать Аркадьич провёл летучку — то есть встал в проходе между столами с блокнотом. Блокнот у него был бумажный, в клетку, заведённый, по слухам, в две тысячи восьмом году, и в нём помещалась вся история фирмы.

— Партия — шестьдесят плат, отгрузка пермякам пятнадцатого сентября, — сказал он. — Монтаж с понедельника.

Савельев, что с комплектацией?

— Размещаю сегодня. По разёмам вопрос, доложу от-дельно.

— Мне не нужны вопросы, мне нужны разёмы.

— Разёмы нужны всем, Виктор Аркадьевич. Поэтому их и нет.

Аркадьич записал что-то в блокнот и перешёл к Паше. Паша начал про прошивку, я перестал слушать и придвинул спецификацию.

Спецификацию, впрочем, пришлось отложить: сначала хвосты. Герметичные разёмы под ту же партию зависли у «Элнора» — контейнер из Шэньчжэня третью неделю стоял в Забайкальске, и менеджер Наташа при каждом звонке сдвигала срок ровно на пять дней. Видимо, у неё в программе так было настроено.

— Наташ, — сказал я, когда она сняла трубку. — Только не говори «плюс пять дней».

— Игорь Дмитриевич, ну а что я сделаю, таможня...

— Таможня. А теперь смотри: у вас на московском складе лежит резерв под «Термоприбор», я его в вашей же выгрузке вижу. Сорок восемь штук. «Термоприбору» отгрузка в октябре, им контейнер успевает. Отдай мне сорок из резерва, а им вернёшь с прихода.

Пауза в трубке была долгая, с щёлканьем клавиатуры.

— Я согласую с руководителем.

— Согласуй. И скажи руководителю, что в марте я у вас

взял стабилизаторы, когда их никто не брал. Полторы тысячи штук. Пусть посмотрит в той же программе.

Через двадцать минут Наташа перезвонила: сорок штук мои, самовывоз в пятницу.

— С вас шоколадка, Игорь Дмитриевич.

— Запишу в ведомость, — пообещал я.

Вот, собственно, и вся профессия: помнить, у кого что лежит, кто кому чем обязан и в какой графе это записано. Со стороны выглядит как везение.

Дальше пошла спецификация. Это лучшая часть моей работы, честно говоря. Закупщик в понимании большинства — человек, который выпрашивает у поставщиков скидку. На деле половина ремесла в другом: прочитать спецификацию так, как читают её станок и монтажница, то есть буквально. Инженер видит замысел. Я вижу, что придёт в коробке.

Первые страницы шли ровно: резисторы, керамика, копеечные позиции. Копеечные — и при этом способные остановить монтаж вернее любого золота: попробуй найди в сезон нужный корпус, когда его выгребли под госзаказ. Но тут всё лежало у проверенных, я ставил галочки и листал дальше.

До сорок седьмой строки. На сорок седьмой я остановился.

Конденсатор танталовый, двадцать два микрофарада, шестнадцать вольт, корпус D, шестьдесят штук плюс запас. Обычная строка. Я бы проскочил её, если бы не помнил схему — а я её помнил, потому что месяц назад распечатывал

на согласование и таскал Аркадьичу на подпись все восемь листов. Третий лист, силовое питание. Этот конденсатор висел на шине двадцать четыре вольта.

Танталовый на шестнадцать. На шине в двадцать четыре.

— Паш, — позвал я. — Глянь С-двенадцать в силовой части. Какая у тебя там шина?

— Двадцать четыре, — не оборачиваясь ответил Паша. — А что?

— А то, что в ведомости он на шестнадцать вольт.

— Не может быть. — Паша развернулся вместе с креслом. — Мы проверяли. Дважды.

— Строка сорок семь.

Он подошёл и навис над распечаткой. Пошевелил губами, водя пальцем.

— Ёлки, — сказал Паша. — Это из старого проекта уехало. Там шина была пять вольт, шестнадцативольтовый стоял с трёхкратным запасом, как положено. Ведомость копировали, а строку...

— А строку не тронули.

— Он бы даже заработал, — задумчиво сказал Паша, и в этой задумчивости было самое страшное. — Может, на первом же включении хлопнул бы, а может, и стенд бы прошёл. Лотерея. А потом у заказчика на объекте — хлоп.

Тантал в таких случаях не просто отказывает — он выгорает с огнём, в буквальном смысле, и хорошо, если плата отделается пятном. Мы оба это знали, поэтому обсуждать не

стали.

— Откуда ты вообще шину помнишь? — спросил Паша.
— Ты ж закупщик.

— Схему читал, когда на подпись носил.

— Читал он. Я её рисовал — и то не помнил.

— У меня, между прочим, техникум по электронике. Радиоаппаратостроение, Саратов, две тысячи двенадцатый год выпуска. Я такие конденсаторы паял, когда ты ЕГЭ сдавал.

— И чего ж ты в закупках сидишь?

Вопрос был хороший. В инженеры после техникума я не пошёл — сначала армия, потом Москва, потом надо было платить за комнату, а на складе электроники платили сразу. Со склада перебрался в снабжение, оттуда сюда. Схемы остались со мной, как иностранный язык, выученный в детстве: говорить не с кем, а читаешь свободно.

— В закупках, Паша, я вам жизнь спасаю. Прямо сейчас, например. Давай замену: полимерный тантал, тридцать пять вольт. Корпус тот же, посадка та же.

— На двадцать четыре — тридцать пять? Впритык же.

— Обычному — впритык, обычному на такую шину все пятьдесят подавай. А полимерный до восьмидесяти процентов номинала грузить можно, у него отказ другой физики. Открой даташит, там таблица дерейтинга на второй странице.

— Смотри-ка, — сказал Паша через полминуты, глядя в монитор. — И правда таблица. Бери.

— По деньгам дороже рублей на сорок за штуку.

— Бери. Аркадьичу сам скажу.

Наличие я знал и без прозвона. У «Промэлкома» этой замены не было с апреля, у митинских перекупов лежала прошлогодняя партия по конской цене, а у «Радианта» на Волгоградке оставалось сто двадцать штук — их менеджер Олег предлагал мне их ещё в марте, со скидкой, и я тогда отказался. Цену помнил до рубля: сто восемьдесят четыре.

Олег взял трубку на втором гудке.

— Игорь! Про тантал вспомнил?

— Сто двадцать штук ещё живы?

— Живы. Только уже по двести десять — март кончился.

— Олег, они у тебя полтора года лежат. По сто восемьдесят заберу сегодня, и склад твой вздохнёт свободнее.

— По сто девяносто, и самовывоз до пяти.

— Курьер будет к четырём.

Я внёс правку в ведомость и поставил галочку на сорок седьмой строке. Галочка вышла жирнее остальных.

Обедать мы с Пашей ходили в столовую на первом этаже, где с двенадцати до часу кормили весь «Калибр-2» и куда стоило успевать до потока из айтишной конторы с третьего этажа. По средам там давали солянку, и это было единственное, что я знал о своих средах наверняка. Паша взял борщ и котлету, я — солянку, и, пока несли к столу, он открыл на телефоне мою утреннюю ведомость.

— Проверим твой фокус. Строка сто двенадцать.

— Дроссель, десять микрогенри, ноль-восемь-ноль-пять.

Четыре двадцать у «Промэлкома», но бери у «Элкора», с катушки дешевле.

Паша посмотрел в экран, потом на меня.

— Строка двести один.

— Двухсотой кончается лист. Дальше крепёж, его считает Тамара.

— Как ты это делаешь?

— Никак. Само запоминается. — Я подвинул солянку. — Ты хлеб будешь?

— И давно оно у тебя так?

— Сколько себя помню. В техникуме конспектов не вёл, преподаватели злились — пока не начали спрашивать. Расписание электричек Саратов — Анисовка до сих пор могу рассказать. За две тысячи одиннадцатый год, правда.

— Верю на слово. — Паша отдал хлеб. — Тебе бы в покер играть с такой головой.

— В покер нужна удача. У меня с ней с детства не задалось: я в «Спортлото» однажды выиграл рубль при цене билета в полтора.

— Это как — рубль при полутора?

— А вот так. Уникальный случай. Мужик в киоске сказал, что за двадцать лет такого не видел, и не взял с меня за следующий билет.

Паша заржал на всю столовую, и тётки на раздаче посмот-

рели на нас с одобрением. Про Людку Паша не спрашивал уже недели две, за что я был ему отдельно благодарен: новость по конторе прошла ещё в июле, вместе с ведомостью на отпускные.

После обеда я согласовал счёт на припой и отбился от коммерческого предложения фирмы, продающей «инновационные крепёжные решения» — болты, если по-русски.

К четырём вернулся курьер от «Радианта» с коробкой. Я вскрыл её при нём, размотал край ленты: корпус тот, маркировка та, дата-код прошлогодний — для тантала нормально. Курьер, пока я считал, стянул мокрую бейсболку и отжал её над урной — в городе, значит, уже начался дождь. Я пересчитал полные катушки, расписался в накладной и отнёс коробку на склад Тамаре.

Тамара сверила с накладной и спросила, куда девать старую позицию.

— В карантин, и бирку красную повесь. Если монтаж возьмёт по привычке — сгорим у пермяков.

— У меня не возьмёт, — сказала Тамара таким тоном, что я поверил сразу.

К шести заказ был размещён весь, все тридцать четыре страницы. Аркадьич прошёл мимо моего стола, положил передо мной шоколадку «Алёнка» и сказал:

— Ерохин доложил про конденсатор. Премию не обещаю, партия сожрала всё.

— Аркадьич, вы мне «Алёнку» кладёте четвёртый раз за

год.

— Значит, стабильно работаешь, — сказал Аркадьич и ушёл к себе.

Шоколадку я убрал в ящик, к трём предыдущим. Есть их у меня рука не поднималась — в этом ящике лежал, можно сказать, мой годовой бонус.

На проходной Семёныч домучивал тот же сканворд.

— Река во Франции, четыре буквы.

— Сена.

— Лезет, — удивился Семёныч. — Ты гляди.

Вечером зарядил дождь, мелкий и обложной, из тех, что в конце августа включаются на неделю. Зонт у меня был — лежал на работе, в тумбочке, куда я убрал его в июне до следующего дождя. Дождь пришёл. Зонт остался верен тумбочке.

Я вышел из метро в восьмом часу и завернул в «Пятёрочку» у дома. Взял пельмени и хлеб, подумал — и кефир на утро. У кассы рука сама потянулась к стойке с кошачьими паучами: три недели прошло, а рука не переучилась. Я убрал её в карман и сделал вид, что искал мелочь.

Касса самообслуживания стояла с листком «Не работает» — листок висел там с весны и успел выгореть. Кассирша спросила, нужен ли пакет. Пакет был нужен.

От магазина до подъезда — двести метров дворами, мимо мусорки и трансформаторной будки с надписью «НЕ ВЛЕЗАЙ УБЬЁТ», где второе слово кто-то давно закрасил. Под

козырьком третьего подъезда курил кто-то невидимый — огонёк вспыхивал и опадал. Я шёл и прикидывал завтрашний день: в пятницу самовывоз у «Элнора», значит, курьера заказать с утра; вечером можно наконец разобрать балкон, до которого руки не доходили с мая. Из меня вышел бы отличный планировщик чужих жизней. Своя расписывалась на сутки вперёд, дальше начинался туман. Балкон, к слову, я обещал разобрать ещё Людке. Теперь обещал себе — с тем же, надо признать, успехом.

На двери подъезда объявление извинялось за неудобства и обещало закончить работы к пятнице. Возле подъезда с прошлой недели меняли трубу. Траншею закопали, но плитку у крыльца перестилали заново, и работяги на ночь накрыли её плёнкой, прижав кирпичами. Под дождём при свете фонаря вся эта конструкция мокро блестела.

«Каток», — успел подумать я. Вот, собственно, и всё, что я успел подумать.

Правая нога поехала на плёнке — вперёд и вбок. Пакет я почему-то не выпустил. Падать с пакетом в руке оказалось неудобно: свободная рука взмахнула, опоры не нашла, и затылком я пришёл точно на прижимной кирпич.

Звук был негромкий. Скорее внутренний — глухой стук, который слышишь не ушами.

Боли не было, и это, помню, меня удивило. Лежать было холодно и мокро, дождь падал на лицо, фонарь надо мной горел жёлтым, вокруг лампы стояла морось. Я подумал, что

пельмени раскиснут. Я подумал, что мама звонила сегодня утром — хорошо, что взял трубку. Про Людку не подумал ничего, и напоследок это было даже приятно.

Фонарь стал отодвигаться — не гаснуть, а именно отодвигаться вглубь двора, всё дальше, вместе с дождём и с домом.

Тридцать два года. Умер мужик с пельменями — поскользнулся у подъезда. Мама расстроится.

Темнота встала полная, без фонаря и без дождя. Я в ней был — продолжал быть, и это казалось неправильным. В такой темноте не полагалось находиться никому, а в этой кто-то находился.

— Ну наконец-то, — произнёс голос. Мужской, немолодой, с недовольством человека, которого заставили ждать. — Долго же ты. Я уже начал думать, что ошибся.

Глава 2. Пещера сознания

Под щекой был камень.

Холодный, шершавый, с мелкой крошкой, которая вдавилась в кожу. Я лежал на боку, поджав ноги, и камень был везде, куда доставали ладони: под щекой, под бедром, за спиной. Я открыл глаза. Ничего не изменилось.

Темнота стояла такая, какой не бывает. В любой темноте — в квартире с выключенным светом, в подъезде с перегоревшей лампочкой — глаз через минуту начинает что-то выуживать: щель под дверью, окно, циферблат. Здесь выуживать было нечего. Я поднёс руку к лицу и не увидел руки.

Сел. Макушка проехала по камню — свод был низкий, в полуметре над головой. Я ощупал его ладонями: сплошной, без швов. Ощупал пол вокруг себя, докуда дотянулся. Камень. Камень. Слева пальцы ушли в пустоту — лаз или проход, не понять.

Похоронили.

Мысль встала целиком, сразу, и от неё сделалось холоднее, чем от камня. Плитка у подъезда. Кирпич. Фонарь, который отодвигался. Меня нашли, констатировали, отвезли — и вот. Хотя нет: в гробах не бывает каменных сводов, и гроб — это доски в полуметре от носа, а не пещера. Значит, не гроб. Значит, хуже: какой-то подвал, штольня, полость, куда я попал неизвестно как — и в которой темно, как не бывает

нигде наверху.

— Эй! — сказал я.

Звук вышел плоский. Он не отразился ни от чего, не покотился эхом — просто кончился в полуметре от губ, будто я крикнул в подушку.

— Эй! Тут человек!

Подушка съела и это.

Я пополз влево, туда, где была пустота. Проход оказался узкий, но проходимый: на четвереньках, обдирая ладони о крошку, толкая перед собой собственное дыхание. Ползти в абсолютной темноте — занятие, от которого мозг быстро начинает предлагать варианты один другого хуже, и я полз, повторяя про себя четыре цифры: сто девяносто рублей, сто двадцать штук. Цена тантала у «Радианта». Бессмысленно, зато моё. Пока помню цену — я это ещё я.

Лаз пару раз сужался так, что приходилось выдыхать и протискиваться, и на втором таком месте я застрял плечами — на секунду, на две, но этих двух секунд хватило, чтобы узнать о себе много нового. Я вытолкнул себя вперёд рывком, ободрал плечо, и дальше полз уже не останавливаясь, на упрямстве: сто девяносто, сто двадцать, сто девяносто, сто двадцать.

Свет я сначала принял за обман зрения. В такой темноте глаза врут: плавают пятна, вспыхивают точки. Но пятно впереди не плавало. Оно стояло на месте и медленно наливалось — ровное, серое, потом белёсое, без дрожания, какое даёт

огонь. Я пополз быстрее. Проход пошёл вверх, расширился, я поднялся сначала на корточки, потом в полный рост — и вышел.

Пещера, в которую я вышел, была размером с вокзальный зал. Свод терялся в высоте, стены уходили вбок плавными наплывами, и весь этот объём был залит ровным светом без источника: не солнце, не лампы, не огонь — просто светло, как бывает светло в пасмурный полдень. Под ногами камень был гладкий, стёртый, будто по нему ходили веками. Посреди пещеры лежал плоский камень высотой со стол.

На камне лежал человек. А рядом с камнем стоял второй.

Тот, что стоял, был в чёрном: длинный плащ до сапог, широкополая шляпа. Он стоял, сложив руки за спиной, и смотрел, как я выбираюсь из лаза — терпеливо, как смотрят на опаздывающего.

— Я же говорил: наконец-то, — сказал он.

Голос я узнал. Тот самый, из темноты, — немолодой, суховатый, с недовольством человека, которого заставили ждать.

— Вы долго приходили в себя. После переноса сознание собирается не сразу — вы, полагаю, немало бродили там, в малых полостях.

Я стоял на месте. До него было шагов двадцать, и с этих двадцати шагов я разглядел второго — того, что лежал. Юноша, лет шестнадцати, худой, очень бледный, в простой белой рубаше. Грудь не двигалась. Лицо было спокойное, не мёртвое и не живое — никакое, как у восковой фигуры до того,

как её выставили в зал.

— Где я? — спросил я.

— Там же, где и я. — Он повёл рукой, не расцепляя ладоней за спиной, одним поворотом кисти. — Полагаю, мы в голове этого юноши.

Я посмотрел на юношу. Потом на своды. Потом на человека в шляпе. В голове у меня — у любого нормального человека — на этом месте должно было что-то произойти: истерика, обморок, смех. Не произошло ничего. Видимо, лимит на ужас я израсходовал ещё в лазе.

— В голове, — повторил я. — Ага. А вы, значит...

— Понимаю иронию. — Я как раз разглядывал его плащ и сапоги, и он это заметил. — Образ я взял из вашего же сознания. Из того, что вы называете... фэнтези, кажется? Маг, тёмная фигура, встреча с незнакомцем. Мне казалось, так вам будет привычнее. Но можно и иначе.

Он щёлкнул пальцами.

Пещера погасла — и вместо неё встала переговорка «Спектр-Прибора», вся, вплоть до прожжённого пятна на меламиновой столешнице и сломанной ламели в жалюзи. На маркерной доске серело недостёртое «сроки». Кулер в углу булькнул. Он всегда булькал, когда в него смотришь.

Я взялся рукой за спинку ближайшего стула. Стул был настоящий: холодный металл, шершавый пластик. Наш стул. Третий от двери, с расшатанной ножкой — ножка подалась под рукой ровно так, как подавалась последние два года.

— Это тоже из моей головы?

— Разумеется. Где же ещё мне взять ваши переговорные комнаты. Всё до мелочей ваше. Я лишь разворачиваю.

Кулер булькнул ещё раз. От этого родного булька стало холодно — где-то под ложечкой, которой у меня больше не было. Ненастоящий кулер в ненастоящей переговорке булькал из моей памяти, и делал это безупречно.

— Верните, — сказал я. — Верните как было.

Пальцы щёлкнули ещё раз, и вернулась пещера. Я обнаружил, что держусь рукой за воздух, и опустил руку.

— Любопытно, — сказал человек в шляпе. — Большинство предпочло бы привычное.

— Привычное у вас с бульканьем. Не надо так с привычным.

— Как угодно.

Я сделал несколько шагов к камню. Вблизи юноша выглядел ещё хуже: кожа с серым подсветом, запавшие виски, под глазами тени. И при этом — ни одного вдоха. Я невольно искал глазами грудную клетку, ожидая движения, как ждёшь его у спящего. Движения не было.

— Он мёртв?

— Тело — нет. Тело в коме, уже давно. А тот, кто в этом теле жил... — Человек в шляпе сделал паузу, подбирая слово с видимой аккуратностью. — Его больше нет. Осталась оболочка.

— А мы, значит, в голове оболочки.

— Именно.

— Вы маг? — спросил я, потому что надо было с чего-то начинать, а плащ и шляпа сами напрашивались.

— Бывший, — сказал он и, не дав мне уцепиться за слово, продолжил: — Но сейчас дело не в магии. Всё, что вы видите, происходит в вашем сознании. Пещера, свет, я в этом наряде — сознание рисует то, с чем ему проще работать.

— В моём сознании. У меня в голове.

— Не совсем. — Он впервые наклонил голову, и из-под полей стало видно лицо: немолодое, сухое, с глубокими носогубными складками и очень спокойными глазами. — Головы у вас больше нет. Как и всего остального. Вы сейчас — чистое сознание.

Я посмотрел вниз, на себя.

Я был голый. Целиком, до последней детали. Всё это время — в лазе, на четвереньках, здесь, у камня, — я был голый и не замечал этого, как не замечаешь во сне, пока сон не ткнёт тебя носом.

Я прикрылся ладонями. Жест был идиотский, и я это понимал, и всё равно прикрылся.

— Остаточная реакция сознания, — сказал человек в шляпе без всякого выражения. — Вам проще представлять себя телом, чем, скажем, облачком. Тело вы и представляете. Своё, каким его помните.

— А одеться здесь можно?

— Вы умерли меньше суток назад, а беспокоитесь о брю-

ках. — Поля шляпы качнулись. — Любопытное у вас устройство.

Ответа на вопрос я отметил про себя, не получил. Отметил — и отложил: в очереди вопросов этот стоял далеко не первым.

— Значит, умер, — сказал я. — Это точно?

— Да. К сожалению.

«К сожалению» он произнёс ровно, без сочувствия — как произносят «ожидается похолодание». И странным образом это подействовало лучше сочувствия: с фактом, поданным как факт, можно было работать.

Плётка. Кирпич. Фонарь. Я умер у собственного подъезда, не дойдя тридцати метров до двери, с пакетом пельменей в руке. Где-то в Бирюлёве эти пельмени, наверное, так и лежат в луже — если пакет не подобрали. Где-то в Саратове мама ещё ничего не знает. Или уже знает. Я не знал, сколько прошло времени, и спросить об этом сейчас было выше моих сил.

— А обратно можно? — спросил я вместо этого. — В моё тело. В моё... туда.

— Куда? — Он не издевался, судя по тону: уточнял. — Вашего тела больше нет. Двери, в которую вы хотите вернуться, не существует. Есть только та, что перед вами.

Ничего другого я, в общем, и не ждал — но есть вопросы, которые надо задать вслух, чтобы они перестали ныть внутри.

— Хорошо. Тогда — как я сюда попал?

— Насколько я понял из разговоров... — Он неопределённо повёл подбородком вверх и вбок, за пределы пещеры. — Юноша впал в кому. Лекари бились долго и не преуспели. Тогда его семья решила на крайнюю меру: вселить в тело чужое сознание. Провели обряд, обряд нашёл подходящее — и вот вы здесь.

— Подходящее.

— Совместимое. Не всякое сознание годится всякому телу. Ваше — подошло этому.

— То есть я... — Я поискал слово и нашёл его там, где искал всю жизнь, — в ведомости. — Замена на функциональный аналог.

Человек в шляпе помолчал.

— Не знаю, что это значит, — сказал он наконец, — но по интонации — да, что-то в этом роде.

— А хозяин? Настоящий? Он точно... Мы его не выселяем?

— Я здесь дольше вас. Поверьте: в этом доме давно никто не живёт. Вы никого не выселяете — вы въезжаете в пустое.

Облегчение, которое я испытал, было постыдно практичным — как узнать, что квартира юридически чистая. Я его испытал, устыдился и оставил при себе. Хотя, если этот тип читает у меня в голове... я покосился на него. Лицо под полями не выражало ничего.

— Из каких разговоров? — спросил я. — Вы сказали: по-

нял из разговоров.

— Тело лежит не в пустыне. Вокруг него ходят люди и говорят. Отсюда слышно — не всё и не всегда ясно, но слышно. Послушайте сами, времени у вас будет достаточно.

— А что там? — Я повёл подбородком туда же, куда до этого он, — вверх и вбок, наружу. — Что за место? Страна, город? Это вообще... моя планета?

— Я знаю ровно то, что слышал, а слышал я обрывки. — Он выдержал паузу. — Скажу одно: на вашу прежнюю жизнь это похоже мало. Остальное увидите сами, и очень скоро. Не хочу пересказывать — перескажу неточно, а неточность хуже незнания.

Отказ был вежливый, гладкий и абсолютно непробиваемый. Я мысленно дописал в список: не сказал, где мы. Список рос быстрее, чем мне бы хотелось.

— А вы? Вы-то здесь как?

— Меня затянуло сюда случайно. — Он сказал это тем же ровным тоном, каким сообщал про мою смерть, и с той же законченностью: точка в конце фразы стояла бетонная. — Тем же обрядом, который тянул вас. Побочный улов, если угодно. И, в отличие от вас, телом я управлять не могу.

— Почему?

— Потому что тело подошло вам, а не мне. Я здесь... — короткая пауза, — сосед.

Слово «сосед» мне не понравилось. В слове «сосед» было пожизненное, коммунальное — общая кухня, очередь в

ванную, чужие звуки за стенкой. Я оглядел пещеру заново, уже с этой мыслью: вокзальный зал, а всё равно коммуналка.

— И давно вы тут... соседствуете?

— Дольше вас. — Точка снова была бетонная.

Я решил зайти позже и с другой стороны. За тридцать два года работы с поставщиками я усвоил: если человек не отвечает на вопрос, бесполезно давить — полезно запомнить, на какой именно вопрос он не ответил. Список открылся коротким: одежда, срок. Я завёл его там же, где держал всё важное, — в голове. Другого места у меня теперь, собственно, и не было.

— Хорошо, — сказал я. — Я умер, меня вселили, вы сосед. Тело в коме, вокруг него ходят и разговаривают. А я? Мне что делать? Сидеть тут, в... — я обвёл рукой своды, — в зале ожидания?

— А вот это самый дельный вопрос за всю беседу. — Он разнял наконец руки из-за спины. — Вам, полагаю, стоит попробовать войти.

— Куда?

Он повёл ладонью в сторону камня. Ладонь была узкая, сухая, с длинными пальцами.

— В тело. Оно ваше — обряд закончен, совместимость подтверждена. Осталось вступить во владение.

Я подошёл к камню вплотную. Вблизи было видно, что юноша дышит — но так редко и мелко, что это дыхание надо было караулить: одно движение рёбер на мой десяток. Лицо,

если присмотреться, было даже красивое — тонкое, породистое, из тех лиц, что я видел на портретах в учебнике истории, а не в вагоне метро.

— Сколько ему? На вид — шестнадцать.

— Около того, полагаю.

Шестнадцать. Мне было тридцать два — теперь, выходит, будет шестнадцать. Ломка голоса, прыщи и первая любовь по второму кругу. Я посмотрел на тонкие руки поверх простыни — ни мозоли, ни шрама, руки человека, за которого всю жизнь всё делали другие. В моём резюме появлялась строчка, которую я не знал, как объяснять.

— И как... вступают?

— Подойдите к изголовью. Положите руки на голову — по ладони с двух сторон, на виски. И представьте, что вливаетесь. Не думайте, как это устроено, — сознание справится само, ему не впервой держаться за тело.

— А если не получится?

— Вернётесь сюда. Здесь, как вы заметили, просторно.

— А тело меня примет? — Я всё ещё стоял сбоку от камня. — Ну, знаете... отторжение. Несовместимость поставки с посадочным местом.

— Обряд уже всё проверил. Если бы вы не подходили, вас бы сюда не притянуло. — Он помолчал. — Бояться разумно. Но бояться здесь нечего: худшее с вами уже случилось.

Довод был из разряда людоедских, но, надо признать, рабобтал.

Я встал у изголовья. Ладони мои — те, которых не существовало, — вспотели; остаточная реакция сознания, надо полагать, у меня вообще отзывчивое сознание. Виски у юноши были холодные и живые одновременно: под кожей, глубоко, что-то толкалось — медленно, как насос на минимальных оборотах.

— Одно уточнение, — сказал человек в шляпе мне в спину. — Там, снаружи, вы будете один. Я слышу, что происходит вокруг тела, но говорить с вами оттуда не смогу. Захотите обсудить услышанное — придётся возвращаться сюда. Это несложно, я объясню. Потом.

— Потом, — согласился я. — У меня к вам, кстати, накопилось вопросов на отдельный разговор. Начиная с того, как вас зовут.

— Вот и тема для следующей встречи, — сказал он, и мне показалось, что сухой голос дрогнул усмешкой. — Вливайтесь, Игорь.

Своего имени я ему не называл.

Додумать эту мысль я не успел. Ладони на висках потянуло — не ладони даже, а меня всего, целиком, как воду в открывшийся слив. Пещера смазалась, свет свернулся в точку и погас, и на один бесконечный миг я снова оказался в темноте — но эта темнота была другая, тёплая и тесная, с толчками того самого насоса уже со всех сторон.

А потом появилась тяжесть.

Веки не поднимались, руки лежали поверх чего-то мяг-

кого и весили по пуду каждая — я попробовал шевельнуться и отложил это дело до лучших времён. Под пальцами было плотно, грубее магазинного, с крупной ниткой: у нас такое продавали бы втридорога, с биркой «эко». Пахло воском, травами и чем-то горьковатым, лекарственным, а за стеной бубнил мужской голос — слов не разобрать, только напор: кто-то кого-то в чём-то убеждал.

Где-то в глубине дома хлопнула дверь. Дом вокруг был живой — ходил половицами, дышал печным теплом. Я лежал в нём, как груз на приёмке — доставленный, но ещё не оприходованный.

Я собрал всё, что у меня было, и разлепил веки.

Надо мной был потолок — тёмное дерево, балки, между балками роспись: травы, птицы, ни одного знакомого узора. Свет шёл сбоку, жёлтый, неровный, свечной — на столике у кровати оплывала толстая свеча, и воск налип на подсвечник бурыми потёками: горела не первый час. Я скосил глаза вниз, на одеяло, и увидел лежащую поверх него руку.

Рука была не моя.

Тонкая, бледная, с длинными пальцами без единой мозоли — рука, которая в жизни не таскала коробок с комплектами. Я приказал ей согнуться. Рука послушалась.

Ну что ж. Вступил во владение.

Глава 3. Обряд и возвращение

— Дышит сам, — сказал незнакомый голос. — Глубже, чем ночью. Душа легла.

— Когда он очнётся?

Второй голос был старческий, низкий и шёл от самой кровати. Я лежал с закрытыми глазами и не шевелился — не из хитрости, по привычке: когда не понимаешь расклада, молчи и слушай. Это правило кормило меня двенадцать лет, а расклада я сейчас не понимал совершенно.

— К вечеру. Возможно, завтра. Душе надо обжиться, торопить её нельзя.

Одеяло на мне весило килограмма три и пахло сушёной травой. Справа потрескивало — суше и живее батареи. Камин, надо полагать. В Бирюлёве у меня был полотенцесушитель, и тот работал через раз.

Руки лежали поверх одеяла — лёгкие, не мои: пальцы длиннее, и на среднем нет мозоли от ручки. Трогать их я пока не стал, успеется.

— Вы уверены, что душа... подходящая? — спросил старик.

— Обряд другую не возьмёт. Я объяснял: он ищет не по желанию, а по совместимости. Вокруг Источника — миллионы миров. В каждом ежедневно кто-то умирает. Обряд перебирает только что отлетевшие души и берёт ту, которая

ложится в это тело по самой своей структуре. Остальных он попросту не видит.

— Миллионы миров, — повторил старик без вопроса. — И в каждом — люди?

— Не в каждом. Но людей хватает. Совместимость, к слову, не такая уж редкость. Возьмите ярмарочную толпу: в ней сыщутся двое, а то и трое, чьи души легли бы в одно и то же тело. Сложность в другом. Живую душу взять нельзя. Нужна свободная — только что отлетевшая.

Только что отлетевшая — это, стало быть, я. Лежу в чужом теле под тремя килограммами одеяла, а двое солидных людей обсуждают меня, как поставку с задержкой по срокам. Двенадцать лет я сидел по ту сторону таких совещаний. Быть товаром оказалось внове.

— А если душа окажется... — старик подбирал слово, — дурной? Вор, душегуб. Обряд ведь не спрашивает, кем человек был.

— Не спрашивает. Он смотрит на совместимость: ляжет или не ляжет. — Стук: маг поставил на стол что-то тяжёлое. — Но душегубы, знаете ли, редки. Куда чаще попадаются обыкновенные люди. Получите обыкновенного человека — считайте, повезло.

Обыкновенный человек под одеялом мысленно с ним согласился. Хоть в чём-то мои показатели совпадали с заявленными.

— А годами он каков? Душа — она... взрослая?

— Как повезёт. Совместимость возраста не разбирает: в теле юноши может оказаться и старец.

— Только этого мне не хватало.

«Тридцать два, — мысленно подсказал я. — Средней изношенности».

— Вы говорили — обряд ищет вокруг Источника, — сказал старик. — Я не понял тогда и не понимаю теперь.

— И не поймёте, я сам понимаю вполтину. Есть Источник. Вокруг него — миры, как искры вокруг костра. Обряд дотягивается до ближних. Больше вам знать и не нужно, вы не за этим платили.

— Он страдал? — спросил старик. — При... переносе.

— Не думаю. Смерть уже случилась, мы лишь подобрали. — Маг сказал это скучно, по-писаному. — Обряд не убивает, он подбирает. В этом его законность.

— К слову о законности. Это ведь не некромантия? Мне важно знать наверняка.

— Нет, что вы. Это совершенно законно. — Маг даже не обиделся. — Некромантия поднимает мёртвое, она под запретом. А здесь мёртвого нет: тело живое и душа живая. Просто прежде они не были знакомы.

Шаги — мягкие, в войлоке — отошли к окну и вернулись.

— Когда он очнётся — что это будет за человек? Испуганный? Буйный?

— Разный. Кто плачет, кто молчит, кто требует вернуть его обратно. Вернуть обратно, к слову, нельзя: тела там боль-

ше нет, возвращаться некуда. Скажите ему это раньше, чем он спросит, — сбережёте время.

— Он будет помнить что-нибудь из того, что помнил Дмитрий?

— Ничего. Знания уходят вместе с душой. Тело — дело другое: тело хранит навык. Ходьбу и речь. Грамоту тоже, если он ею владел. Рука помнит перо, ноги помнят лестницы. А вас он не вспомнит. Готовьтесь: когда он заговорит — не ждите, что заговорит Дмитрий.

Старик помолчал.

— Почему об этом обряде молчат? Я узнал о нём почти случайно. Горе есть в каждом втором доме — отчего им не пользуются все?

— Оттого что семьи хотят вернуть своего. А обряд возвращает чужого. — Маг говорил буднично. — Это теперь не ваш внук, а другой человек. Снаружи — он, до последней родинки. Внутри — нет. Люди хотят, чтобы выжил дорогой им человек, а не оболочка. В вашем случае это, возможно, не столь важно. Но в других...

Он не договорил. Скрипнула половица: старик, видно, отошёл от кровати.

— Сына убил демон, — сказал он от окна. — Внук слёг той же ночью и больше не вставал. После гибели сына я перепробовал всё. Лекари сменяли один другого. Мальчик не возвращался.

Демон. Я отложил это слово туда же, куда складывал всё

остальное, — в длинный список на потом. Список к этому часу выглядел уже так, что за него не взялся бы ни один разумный исполнитель.

— И не вернулся бы, я сказал вам это в первый же день. То, что лежит теперь в этой кровати, — не ваш внук. Но оно живое: дышит, будет ходить и говорить. Много это или мало — решать вам.

— Я решил, когда посылал за вами.

Стекло тронуло стекло — маг собирал что-то со стола.

— Остаток пришлю завтра, как условились, — сказал старик.

— Не к спеху. До вечера его не тревожьте: душа укладывается, мешать ей не надо. Кормите потом, как больного, понемногу. И последнее. Кем он был там, у себя, — обряд не говорит. Узнаете, когда сам расскажет. Если захочет.

— Захочет, — сказал старик. — Куда он денется.

Старик мне, пожалуй, уже нравился. Деловой подход я уважаю — даже когда предмет сделки я сам.

Дверь открылась и закрылась, шаги стихли в глубине дома. Какое-то время дом жил без меня: далеко простучали каблуки, звякнуло ведро, глухо хлопнула другая дверь, потяжелее первой. Потом всё улеглось. Я сосчитал до тридцати и открыл глаза.

Надо мной висел балдахин — тёмно-зелёный, с кистями по углам. Кисти давно не вытряхивали. Я лежал под ним и наводил порядок в услышанном, как умел, сверху вниз по

строкам.

Итак. Я умер — это подтвердили два независимых источника, маг и человек в шляпе. Тело, в котором я лежу, зовут Дмитрием. Сам Дмитрий сюда не вернётся. Его дед заплатил, чтобы в теле кто-нибудь жил, и этот кто-нибудь — я. Вернуть обратно нельзя, это озвучили отдельно — спасибо за ясность условий. Приёмка состоялась, остаток оплаты завтра.

До этого места я держался.

Потом подумал про маму.

Она звонила в то утро — я ещё порадовался, что взял трубку. Теперь она наберёт мой номер и услышит длинные гудки. Решит, что я на работе. Вечером наберёт снова. Кто ей скажет — с работы позвонят, когда я не выйду во второй раз? Паша? Паша даже отчества её не знает. Она приедет из Саратова на автобусе, с сумкой, в которой варенье, — она всегда возит варенье, кому бы ни ехала. Дальше я себе думать запретил.

Запрет не подействовал. Дверь моя заперта, ключ так и лежит в кармане куртки — лежал в кармане. Герань на подоконнике теперь отрастёт спокойно: поливать некому, но такую не убьёшь.

Одеяло я, оказывается, уже держал в кулаках. Балдахин поплыл, комнату повело вбок — и меня выдернуло, рывком, вверх и назад.

Колени ударились о камень.

Меня держали за плечи — иначе я бы, пожалуй, лёг.

— Мне показалось, вы хотите вернуться, — сказал Теодор.

— Есть такое. — Я сел на пятки. Камень был холодный и очень настоящий. — Надо переварить.

Он разжал руки и отступил. Свет в пещере стоял всё тот же — серый, ничей, без лампы и огня. На плоском камне поодаль лежало тело. Моё теперешнее, если смотреть по документам. Я был голый; в прошлый раз это заботило меня сильнее. Плащ на Теодоре был всё тот же и даже не помялся — похоже, здесь вообще ничего не мнётся.

— А сюда я как попал? — спросил я. — Я ничего не делал.

— Не сами. Вас вытащил я: сознание заметалось, тесно ему стало. Пришлось вмешаться.

— Спасибо. Наверное.

Плечи я, впрочем, запомнил: хватка у бестелесного была вполне вещественная.

— Впредь рассчитывайте на себя, выход есть и без меня. Захотите уйти из тела — представьте себя стоящим рядом с ним и сделайте шаг назад. Один шаг. Окажетесь здесь.

— Шаг назад. — Я попробовал это на вкус. — А обратно — ладони на голову и вливаться.

— Именно. Вход через касание, выход через шаг. Других дверей у вас нет.

— А если я выйду, когда тело стоит? Идёт, сидит за столом, на людях?

— Упадёт там, где стояло. Без вас в нём никого нет. — Теодор сдвинул шляпу чуть назад. — Поэтому выходите лёжа и без свидетелей, если не хотите объяснять лекарям второй обморок за год.

— Учту.

Я поднялся и подошёл к камню. Дмитрий — теперь уж, выходит, я — лежал вытянувшись, руки вдоль тела. Лицо молодое, осунувшееся, кожа тонкая, под глазами тени. В прошлый раз мне было не до разглядываний. Теперь я стоял и не мог решить, что страннее: что это лицо не моё — или что оно теперь моё.

— Кстати, — сказал я, не оборачиваясь. — Раз уж соседствуем. Игорь. Игорь Савельев.

— Теодор, — сказал он и коротко наклонил голову.

— Просто Теодор?

— Для наших обстоятельств достаточно.

Вопрос, на который не ответили, я по старой привычке отложил в стопку к остальным. Стопка росла.

— Вы ведь слышали дом всё это время? Пока тело лежало.

— Я слышу всё, что звучит рядом с телом. Выбирать не приходится: у меня было вдоволь чужих шагов и разговоров о припарках.

— Тогда рассказывайте. Что за дом, что за люди?

— Постепенно. Ночь длинная, а вам сперва следует узнать другое. — Он сделал паузу, которую явно готовил. — Это тело проклято.

Пауза вышла театральная. Я решил не подыгрывать.

— Проклято — это как? Чёрная кошка, тринадцатое число?

— Это буквально. Тело не держит магию. Нисколько. Об этом при теле говорили не стесняясь — лекари, дед, прислуга; я наслушался достаточно. А я маг, пусть и бывший: в том, что слышу, я не путаюсь.

— Здесь — это где, кстати?

— Не в вашем мире. И, полагаю, не в моём.

Стопка неотвеченного пополнилась ещё на пункт.

— Насколько это плохо — жить без магии? Я, к слову, тридцать два года прожил. Не жаловался.

— Судя по голосам, которыми здесь произносят слово «проклятые», — плохо.

— Утешительно.

— Утешение есть, — сказал Теодор. — Артефакты.

— Это как волшебная палочка?

— Грубо, но пусть. Предмет, который несёт силу в себе самом. Ему не нужна магия владельца — у него своя. Умело собранный, такой предмет уравнивает небогатого дарованием человека с одарённым.

— И где их берут?

— Их не берут. Их собирают — из материалов, по правилам, которые надо знать. Это ремесло, ему учатся годами. — Он помедлил. — Мне случалось в нём понимать. Достаточно, чтобы учить.

— Дорогое ремесло? Материалы, инструмент.

— По-разному. Бывает, цена вопроса — медяк и час работы. Бывает — состояние.

— Знакомая вилка. У нас это называлось «от и до, уточним по запросу». — Я помолчал. — Вы предлагаете меня учить.

— Предлагаю.

— Бесплатно?

— За интерес. Мне нужно, чтобы это тело жило. Желательно — долго и в силе. Причины мои.

— Причины какого рода?

Он не ответил. Вообще никак: вопрос ушёл в него, и всё. Я мысленно подколол этот лист к остальным.

— Мы теперь навсегда соседи?

— Не навсегда.

— А до каких пор?

Тот же результат. Стопка у меня подбиралась уже приличная — с иным поставщиком за такую разговорчивость давно перестали бы работать. Правда, иного поставщика у меня не было.

— Хорошо. Когда начнём — с артефактами?

— Не сегодня. Сперва научитесь там жить: ходить и отвечать, не выдавая себя. Человек, который вчера очнулся, имеет право ничего не знать — пользуйтесь этим, пока дают. Учение потом, по ночам. Днём я вам не помощник: слышать — слышу, подсказать — не могу.

— То есть днём я сам по себе.

— Днём вы сами по себе, — подтвердил Теодор. — Привыкайте.

Расклад выходил знакомый: днём переговоры на выезде, вечером разбор с руководителем проекта. Руководителя я не выбирал — но, если честно, в «Спектр-Приборе» его тоже никто не выбирал.

— Тогда хотя бы про дом. Мне туда возвращаться через час.

— Дом большой и тихий: шагов в нём меньше, чем комнат. Старика боятся и слушаются — по голосам это слышно лучше, чем по словам. Мальчика зовут Дмитрием, это вы уже знаете. Остальное соберёте сами.

— Щедро.

— Я рассказываю то, в чём уверен. Про остальное я слышал слишком мало, чтобы пересказывать.

— А сами вы тут чем заняты? Сутками, один.

— Слушаю, — сказал Теодор. — И думаю. Мне есть о чём. Я не стал уточнять, о чём. Стопка стопкой, а ночевать нам в одной голове.

Я сел на камень возле тела. Надо было переварить — я и переваривал.

Про маму я решил думать порциями, по чуть-чуть, как разгружают тяжёлый вагон: целиком её было не поднять. Про квартиру и работу не думать вовсе — там всё обойдётся без меня, в этом и беда, и утешение. Осталось разобраться с тем,

что не разгружалось.

Для проверки я вспомнил худшее: вечер, плёнку, кирпич. Память открыла его сразу и целиком — жёлтый фонарь, морось вокруг лампы, пакет в руке. Я отлистнул дальше, наугад. Восемь листов схемы, которую я месяц назад таскал Аркадьичу на подпись, — все восемь стояли перед глазами, до карандашной пометки на третьем листе. Телефон мамы. Телефон Людки, стёртый год назад. «С тобой ничего не происходит, Савельев» — слово в слово, с её ударением на «ничего». Память у меня всегда была цепкая. Такой она не была никогда: я не вспоминал — я перечитывал.

Для закупщика память — рабочий инструмент, и свой я держал в порядке. Но одно дело инструмент, другое — склад, где разом включили свет во всех рядах.

— Что-то не так? — спросил Теодор.

— Наоборот. Всё слишком так. — Я постучал пальцем по виску. — Здесь стало просторнее.

— Возможно. — Развивать он не стал. — Вам пора возвращаться. Маг обещал деду, что к вечеру вы очнётесь. Я слышал.

— Маг сказал, тело помнит грамоту.

— Помнит. Навык живёт в теле: походка, речь — всё это при вас. А вот жизни мальчика в нём нет. Ни имён, ни лиц. Для вас здесь всё начнётся с чистого листа.

— Ходить смогу, а куда идти — не буду знать. Что ж, не впервой.

Я встал и положил ладони телу на виски — со второго раза выходило почти по-хозяйски.

— Одного не пойму, — сказал я. — Почему я вам верю.
— Потому что выбор у вас небогатый, — сказал Теодор.
Возразить было нечего. Я влился.

Темнота, короткая тяжесть во всём теле — и балдахин с кистями снова висел надо мной.

За окном стояли сумерки, в комнате горела одна свеча: кто-то заходил, пока меня не было. При свече комната открывалась кусками — тёмный шкаф в человеческий рост, кресло у камина, у стены что-то поблёскивало рамой. Всё это принадлежало мальчику, которого больше нет, и мне ещё предстояло выучить, где здесь что лежит.

В доме жили звуки — далеко внизу стукнула дверь, простучали и стихли шаги.

Я попробовал пальцы: слушались. Согнул под одеялом колено — оно тоже послушалось, только мышцы отозвались лежалой, слабой болью. Горло пересохло до наждака. На столике у изголовья стояли кувшин и кружка; рука дотянулась сама и не расплескала. Спасибо телу — я бы на её месте расплескал.

Вода была тёплая, с травяным привкусом. Я пил маленькими глотками и слушал дом.

Пока пил — перечитал в памяти разговор мага со стариком, от первого слова до последнего, без пропусков. Теперь

я так мог. В этом доме мне ещё долго слушать больше, чем говорить, — пусть хоть память отрабатывает за двоих. Дом внизу собирался к вечеру: стукнула ещё одна дверь, ближе прежней; кто-то прошёл мимо моей — шаги у порога замедлились и двинулись дальше. Скоро придут проверять.

— Дмитрий, — сказал я потом вполголоса, примеряя.

Голос вышел чужой — молодой, с хрипотцой от долгого молчания. Но слово он выговорил сам: губы и язык знали свою работу, я в ней не участвовал.

Внизу пробили часы, семь раз. Где-то там сидел старик, заплативший за то, чтобы я дышал, и ждал вечера. Вечер, судя по окну, уже наступил.

Я устроился повыше на подушке, сложил руки поверх одеяла и стал репетировать:

— Здравствуйте. Кажется, я ничего не помню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.